

Первая послевоенная зима для Степановых была такой же долгой, как и последние, чудом пережитые зимы военного лихолетья. Ещё только-только пахнуло весной, а хозяйка уже начисто выскребла в ларях все затаённые сусеки. Глава многодетного семейства, фронтовик, вернувшийся домой с полной грудью орденов и медалей, мучительно морщил лоб. Даже изнурительная работа в колхозной кузнице не уводила его от тяжёлых дум. Перед глазами всё время стояли дети, у которых было одно-единственное желание — досыта поесть.

В отчаянии, хлебнув как-то поднесённого хромым Кузьмой самогону, ходил он даже в правление колхоза требовать ключи от хлебных амбаров. Требовал, но понимал, что никакой председатель не решится на выдачу семенного зерна.

Бил он по раскалённому железу в своей кузнице, бил и прикидывал: кому из односельчан

поклоняться ради ведёрка про-росшей картошки, ради мерки за-лежалой муки? Да и есть ли эта самая мука и картошка у кого в излишке?

Между тем в кузницу зача-стил хромой Кузьма. Приходить угадывал к шабашу, когда угасал огонь в горниле, и непременно с четвертинкой самогонки. На удивлённый взгляд кузнеца — от-куда, мол, когда есть нечего, — хитро подмигивал:

— Летось дождик прошёл, вот и накапало...

И так же хитро разговоры вёл, сводя их в конце концов на бое-вые награды. Долго не мог уяс-нить кузнец, куда Кузьма гнёт. А Кузьма вроде и не спешил. На-льёт — и за ордена слово скажет, другой стакан наполнит — и за медали...

Первым не выдержал сам Кузьма, осторожно намекнул куз-нецу о своём намерении. Тот чуть не задохнулся от гнева:

— Боевых наград захотел? В чужие края податься с ними ре-шил, в инвалиды причислиться? Да за это...

— И-и, как тебя хмелем разо-брало. Раскалился так, горна не надо! — Кузьма, ожидавший тако-го поворота, на всякий случай по-ближе к выходу отскочил, да так скоро, словно и не хромал. Оттуда уже продолжил: — Твоих деток жалеючи, предложил. А ты?..

Скрипнула дверь. Пятилетний мальчонка перевалился через вы-сокий порог, бросился с жалобой к отцу:

— Гришка опять сухарик от-нял. А мамка и ему давала.

Появление сынишки сразу остудило кузнеца. Он как-то не-естественно обмяк. Руки, вцепив-шиеся было в кувалду, разжались. Отломив кусочек от принесённой Кузьмой полгорбушки хлеба, дал сынишке, утёр ему слёзы чистой изнанкой гимнастёрки, выпрово-дил на улицу.

— Ну?!

— Орден и две медали. За ор-ден — мешок пшенички, за ме-дальку — половину... Хорошая пшеничка, провеянная, — затара-торил Кузьма, бочком приближа-ясь к притихшему кузнецу.

Не дождавшись ответного сло-ва, тронул его за рукав:

— Согласный?

— Две медали...

— И на том спасибо, Митрич! — Кузьма засуетился, вытащил из-за пазухи припрятанную про запас поллитровку. — Вот и магарыч.

— Погоди, не сделались ещё, — перебил его кузнец, не обращая внимания на самогонку.

— Три мешка за них вези.

— По рукам! — Кузьма торо-пливо, словно боясь, что кузнец передумает, дрожащей рукой за-булькал сивушной в алюминие-вую выдавшую виды кружку куз-неца. — Полмешка ещё в придачу даю!

Поздней ночью, огородами, привёз он зерно к Степановым.

Увидев такое неслыханное бо-гатство, хозяйка отшатнулась:

— Откуда?

— Не бойся, не краденое, —

успокоил её Кузьма. — Своим горбом нажитое.

— Не за спасибо берём, мать, — сказал кузнец, незаметно для жены сунул Кузьме свёрток.

Когда тот, вовсе не прихрамывая, скрылся в темени, кузнец погрозил ему вслед кулаком и сплюнул:

— Попался бы на фронте мне!

После сытного ужина беспокойная хозяйка глянула на парадную гимнастёрку, висевшую на гвоздике за голландкой, догадалась, чем расплатился муж:

— Как без них-то? А вдруг спрос учинят?

— Учинят — отвечу! — отрубил в сердцах кузнец. — А ему, чёрту хромоногому, боком они выйдут. Умные люди разберутся: вояка он или сволочь последняя? Быстрее бы лишь уехал из деревни, с глаз моих долой...

Всё же тревога жены передалась и ему. Долго не мог он заснуть. Припомнились ему страшные бои. Припомнились так остро, будто и не кончалась она, распроклятая война. Припомнились погибшие друзья и почти незнакомые, но навеки ставшие близкими ему солдаты-однополчане... Разбуженной совестью своей слышал кузнец их приговор:

— Медали продаёшь сегодня, а завтра — Родину...

В холодном поту вскочил он. С минуту посидел, умиряя заходившееся сердце. Потом бросился в кладовку, выволок мешки, словно пушинки, побросал их на санки:

— Да я лучше по миру с сумой пойду!

Он потащил санки с мешками к светящейся окнами избе Кузьмы, забыв в горячке накинуть фуфайку.